

Плохо раскупается семитомник Солженицына. Мальчик в подземном переходе стоит с двумя пачками полдня. Неужели Солженицын устарел? Неужели всерьез прочитан? Наверяд ли... Не пришло еще время для подробного несуетного прочтения. Молодежи не до того: глаз не отвести от обнаженного тела на книжных лотках (панелях). А пожилым — надоело: сколько можно про это! Да и читать некогда...

отеках — не затрепанные: непопулярное чтение. Но сказать, что русская новейшая история интересует лишь специалистов, — неверно. Она интересует тех, кто понимает, что связан, как клетка в едином организме, со всем человечеством. А по новейшей русской — Солженицын едва ли не лучший проводник. Наша история уже не тайна за семью печатями — печатей поубавилось, — но все еще не раскрыта в полноте. Ее темноты зияют в ха-

Рабство, как и свобода, — духовные категории. Крепостной живописец Кондрашев-Иванов в "Круге первом" говорит: "Но никогда никакой лагерь не должен сломить душевной силы человека!" А у Солженицына душевной силы только прибыло. Как и у Достоевского, который не расставался на каторге с Евангелием. А Солженицын — с томом русских пословиц, где Евангелие растворено. Душевные силы двух русских пророков питала еще и

Моск. комсомолец, -1993, -11 дек. -с.3

ЗАВЕТЫ ЧЕСТНОГО ЗЭКА

А. Солженицын

13.12.93

Сегодня А. И. Солженицыну исполнилось 75 лет

Но те, кому есть когда, прочитали его еще в самиздате, в тамиздате...

Вываб место в вагоне метро, торцовое, меж двух кожаных лавок, раскроешь обернутый, карманного формата, томик. Осмотришься — не следит ли кто? Любопытные сограждане имеют обыкновение зыркнуть в книгу соседа, поэтому и устраиваешься в вагоне неподступно. Известны случаи, когда такого "опасного" читателя засекал цепкий взгляд гебиста: они в людном месте всегда начеку.

Это был не глоток правды, а целая кислородная подушка. Но притягивало и художество. Цель нарабатывала средства. Причем от книги к книге: от "Ивана Денисовича" до последних "Узлов". Проза цветаевского накала. Говорящий правду говорит ее всем существом. Вот где отлилось тождество стиля и человека. В каждой фразе, натянутой как струна, слышен голос "звнящего зэка", непримиримого к полумерам и эвфемизмам. Я узнавал этот голос, отцеживая его на своей старенькой "Спидоле" от рычащих заглушек. Тот же, что и в тексте, — вдохновенный и молодой, на пределе чувства и убеждения. Уже претили кухонные разговоры и оглядчивая дерзость бунтарей, дозволенных правительством. Тогда же, с его, конечно, подачи, у меня сложилось: "Иной пророк сравним с шутом полунемым, чей рот замазан текстом иносказательным. (Пора — открытым текстом! Пора. Открылось миру: князь мира сего — гол.) И пусть он счесть свел со мной, — с любим, — чью лиру уже не спрятать в стол".

осе российской государственности. Последняя же печать будет снята не скоро, на грани времени: корни зла простираются в метаисторию.

"Архипелаг..." — это документ или художественное произведение? И то и другое. Художник поверяет историю, как ученый. Не зря и называет свой труд опытом художественного исследования. Но, в отличие от холодности геометра, он пристрастен. Статистика пасует перед обобщением художника. Но вместе — они неопровержимы. После "ГУЛАГА" — непросто прозвять, страшно бездействовать. В нем довод убийственной силы. Потому и не дочитывают некоторые, а некоторые и вовсе не берут в руки, чтобы, угнездившись в комфорте, не менять удобной позы. Потребительскому вкусу комфорт обеспечен везде, даже в нашей разрухе.

У Солженицына как у большого художника всегда были противники. Уверен, и сейчас немало. Я узнаю их по топорным приемам, не меняющимся с годами. По напрочь отсутствующему воображению. Это они перекраивают фамилию Ельцин на еврейский лад — Ельцер, как перекраивали-перекраивали Солженицына в Солженицера. Ничего нового сочинить не умеют. И за что им (сами — себе!) деньги платят?..

Это их я обманул (в 88-м году): стихотворение, начинавшееся со слов "Не верь, не бойся, не проси", назвал "Заветы Аввакума", чтобы опубликовать в книге. На самом же деле это формула сопротивления смерти, донесенная до нас Солженицыным. Его заветы, питавшие взрослых младенцев, как молоко матери. Это заповедь честного зэка, отменявшего воровскую мораль: умри ты сегодня, а я завтра.

То, что мы продолжаем жить в ГУЛАГе, хотя не так принудительно, как на Островах, тоже открылось после Солженицына. Острова слиплись в один аморфный материк, обнесенный колючей проволокой. Разумеется, условия обитания изменились. Коммуналка в хрущобе отличалась от БУРа в зоне. Условия изменились. Неволя осталась. И там, в замурзанном "человечьем общежитии" имея угол, запирающийся изнутри, я узнавал от Солженицына то, что отец мой, вернувшийся из тюрьмы в 53-м, мне не рассказывал. Узнавал то, что уже давно осело в слове... Зона и так называемая воля говорили на одном языке. Язык соединил — сроднил — условно разделенные области обитания. Так новые моря соединили в себе затопленные города и веси. Узнавал и то, что тюрьма необязательно забор и сынки с автоматами. Тюрьма может помещаться в самом человеке, когда он, страшась, зависит от своих мыслей и поступков. Когда он раб греха.

В "ГУЛАГе" прочитывается намек на особое проложение человека, свободного в истине. Люди, терпеливые других переносившие страдание, помнили слова Христа: "Да познаете истину, и истина сделает вас свободными".

вера в свое предназначение, определенное Богом. Эта вера хранила Солженицына в начале ареста, когда он смолчал в метро, на эскалаторе, перед горсткой москвичей; в лагере, когда неотступно заучивал все сочиненное за день; в ссылке, когда писал по ночам; на свободе, когда однажды отступил перед шпаной, потому что знал, что всех потащат в милицию, а с ним чемодан рукописей...

Вера в то, что дано ему сказать правду — великую — на весь мир, хранила его. Вера не самодостаточная, а подкрепляемая Божиим промыслом в течение всей жизни. Вера в себя оправдывается одним: верой в Него. Разделять их опасно. Разделенные, они порождают монстров. Наощупь, ненавязчиво, не сразу лагерь обращал мученика к вере в Него.

В 60-х годах Александр Исаевич встретился с отцом Александром Менем. Автор нашумевшего "Ивана Денисовича" был полон идеей возведения храма, посвященного жертвам репрессий. Вместе они ездили под Звенигород — Солженицыну эти места представлялись наиболее подходящими для храма. Отец Александр рассказывал об их встречах, и я многое записал, но именно эту записную книжку так спрятал в 82-м году ввиду нависавшего тогда обыска, что до сих пор найти не могу. Хоть специально вызывая компетентные органы, пока они еще не переквалифицировались.

С первого же знакомства батюшка отметил в нем крупную личность.

Одержимостью, с какой все было подчинено писательству — главному делу жизни. На это способен только сильный человек.

В приходе нашей книги Солженицына читались с неменьшей охотой, чем Добротолюбие. Очень они помогали избежать эйфории "духовного делания". Христианину следует хорошо знать, где он живет.

Батюшка подарил мне большой рисунок — может быть, карандашный эскиз картины, — который в свое время подарил ему Солженицын. Такие передаривания у отца Александра случались — иначе дом его превратился бы в музей подарков. На рисунке — рыцарь перед пропастью, увидевший замок Святого Грааля. (Солженицын подробно описывает эту работу в "Круге первом", в 46-й главе.)

Рыцаря не останавливают препятствия — он видит впереди свет Грааля. Свет Святого причастия, ибо в чаше — кровь Иисуса Христа. Святость, образ совершенства — вот что поднимает душу горе на краю пропасти. Солженицын не создал бы своих творений, не имея он путеводного света Того, Кто назвал себя истиной. Этот свет мерцает в "ГУЛАГе", он пронизывает ужас нашей действительности — бывшей и настоящей.

Александр ЗОРИН.
Фото из коллекции автора.

А. Солженицын. Пейзаж.

"Архипелаг ГУЛАГ" — драгоценный опыт, отрезвлявший в застойные времена наши мозги. И не только наши. Рональд Рейган обязан ему своим прозрением относительно "империи зла". А мы обязаны Рональду Рейгану за его хитрую программу "звездных войн", которая раскопегарила нашу перестройку. Но, к сожалению, таких добросовестных читателей, как президент, немного в Америке. Мои знакомые молодые американцы далее двухсот страниц первого тома не продвинулись. Я видел большой трехтомник на английском в нескольких библи-